

Классен Эрих Гергардович

ИДЕАЛИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ – ЭТИ МЕЛКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Время резкого мировоззренческого противостояния прошло. Актуальным, во имя будущего национального и международного единства, стал поиск соприкосновения и сближения философских учений. Многолетние противоречия между марксизмом и идеализмом в значительной мере были обусловлены субъективными факторами: идеологией, упрощением и непониманием философских позиций. Задача статьи состоит в том, чтобы показать, как в аспекте основного вопроса субъективные факторы развели и противопоставили воззрения Маркса и Гегеля и как они могут быть сближены.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 71-77. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 13.101.8

Философские науки

Время резкого мировоззренческого противостояния прошло. Актуальным, во имя будущего национального и международного единства, стал поиск соприкосновения и сближения философских учений. Многолетние противоречия между марксизмом и идеализмом в значительной мере были обусловлены субъективными факторами: идеологией, упрощением и непониманием философских позиций. Задача статьи состоит в том, чтобы показать, как в аспекте основного вопроса субъективные факторы развели и противопоставили воззрения Маркса и Гегеля и как они могут быть сближены.

Ключевые слова и фразы: апперцепция; диалектика; идеализм; идея; идеальное; материализм; основной вопрос; отношения; представления; форма выражения.

Классен Эрих Гергардович, д. филос. н., профессор

Филиал Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Октябрьском
knessel@rambler.ru

ИДЕАЛИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ – ЭТИ МЕЛКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ[©]**Предварительное рассуждение**

Название статьи настораживает читателя: неужели опять набившее оскомину противопоставление пресловутых философских направлений? Успокоимся по данному вопросу. Да, противопоставление есть, но не в аспекте старого диалектического материализма, а в том, как искаженному и неверно истолкованному идеализму из идеологических соображений противопоставлялся упрощенный домарксистский материализм. В академическом плане такой аспект, может, и не сулит автору научных лавров. Но в педагогическом и историко-философском планах восстановление истинных взглядов корифеев философии, выявление неверных переводов и толкований авторитетными издательствами известных текстов представляется важным и смелым. Так возникает и вопрос об актуальности темы. Если взять современный калейдоскоп философских статей, в большинстве случаев навешанных пресловутым Западом, и попытаться своим материалом вписаться в него, то, возможно, и потребовалось бы отстаивать его актуальность. Но здесь о другом. Автор ориентирован не на моду, не на плюрализм мнений, а на философскую систему, которая, по словам классика, словно вылита из единого куска стали и из которой нельзя выбросить ни одной существенной посылки. В такой системе философичность и актуальность взаимно положены: одно предполагает другое. Вообще актуальность философского материала не определяется субъективно. Ссылка на авторитет Сталина, столь активно ориентировавший молодых мыслителей СССР в сфере философских проблем, представляется достаточным. Сотни молодых мыслителей по указанию Сталина в декабре 1930 года бросились на борьбу с «меньшевистствующими идеалистами». А через четверть века не могли определить, что это за явление такое [18]. Философия сама по себе достаточно мощная духовная сфера, чтобы выразить свои проблемы и найти мыслителей, по гению и по опыту способных такие проблемы поднимать и решать. Автор полагает, что его моральное право обратиться к теме настоящей статьи обусловлено длительным участием в полемике по коренным вопросам философии [8].

Ныне марксизм разрушен и отброшен. Восстановлению и возвращению он уже не подлежит. Необходима иная философия, способная придать человеческому бытию онтологический и нравственный смысл. Создать ее, во всяком случае, для европейских обществ можно лишь на основе великих учений прошлого – Канта, Гегеля и Маркса. Но для этого необходимо, во-первых, освободить великие имена от ложных штампов и, во-вторых, восстановить, насколько нам это под силу, чистоту их учений. По одной проблеме – по проблеме основного и «так называемого основного» [6, с. 723] вопроса философии – я собираюсь такую работу проделать.

**Об основном, о «так называемом основном» вопросе
и об онтологическом характере отношений**

То содержание, которое сегодня всем известно как «основной вопрос философии», занимало европейских мыслителей тысячелетиями [1]. Не всегда оно составляло центральное место мировоззренческих систем, не всегда выражалось понятиями последних двухсот лет, но никогда не забывалось и не отодвигалось в тень. Современное словесное (не смысловое, правда) выражение – отношение мышления к бытию – было сформулировано с подачи Шеллинга Энгельсом. Так оно вошло в философию, названную Плехановым «диалектическим материализмом», так досталось нам вместе с необъятной литературой советской эпохи. Все было бы неплохо, если бы Энгельс не выпятил в обозначенной проблеме вопрос об онтологической первичности материи или сознания. В рамках философского мышления вопрос о временной первичности одной из сторон отношения не корректен. В отношениях стороны существуют так, что если есть одна из сторон, то с необходимостью должна быть и другая. Именно по этой причине Гегель предостерегал ставить данный вопрос подобным образом. Он же был категорически против определения некой предметности (материальной или духовной) в качестве абсолютного начала природы или познания. Мотивированное обоснование своим убеждениям Гегель дает в «Философии природы» [5, т. 2, с. 28-29]. Энгельс же настоящую проблему должным образом не продумал, гегелевскую позицию не удостоил анализа, а разделил всю философскую рать на тех, которые

первичным признавали материю, и тех, которые хотя бы каким-то моментом признавали первичным сознание. Вся история философии, таким образом, представлялась как история борьбы материализма с идеализмом, а сам материализм лишался специфического философского содержания. И то и другое соответствовало умонастроению сподвижника Маркса, которому хотелось идеологически противопоставить идеализму материализм и превратить философский материализм в одну из форм науки. Суть философии, таким образом, упрощалась, а поток развития философского сознания искажался. Когда в период перестройки началась «ревизия» марксистского материализма, то стали отвергать не трактовку Энгельсом основного вопроса философии, а саму проблематику этого вопроса [6, с. 723-724]. Сегодня выражение «так называемый основной вопрос» следует отнести только к взглядам Энгельса, которые представители диалектического материализма понимали как общеполитические. Истинные взгляды Шеллинга приходится восстанавливать. Современник Гегеля вовсе не имел в виду какое-то онтологическое или временное первенство материального по отношению к духовному или наоборот. У него речь шла о сугубо методологической проблеме: с чего удобнее начинать изложение философской системы: с природной реальности или с трансцендентальной интеллигентности. Но Энгельса, похоже, все это особенно не волновало: он, зная высказывания Маркса, предвидел скорое и полное слияние философской проблематики с общенаучной. Более внимательно ко всему комплексу проблем основного вопроса относился Плеханов, и он навязал Энгельсу серьезный разговор в связи с учением Спинозы.

О Спинозе приходится сказать несколько слов, поскольку он в истории диалектического материализма несколько раз находился в центре полемики, и, похоже, его еще потревожат. Позиция Спинозы по проблеме «первой стороны основного вопроса» состояла в следующем. Мир в своей основе в качестве причины самого себя обладает субстанцией. Но с представлением о ней и с переходом от нее к многообразию реальности у Спинозы были проблемы. Чтобы преодолеть их, Спиноза вводит два атрибутивных свойства субстанции – протяженность и мышление. От мышления как атрибутивного свойства субстанции образуется все сознающее и одушевляется все протяженное [15, с. 329-331]. Очевидно, как значительно идея Спинозы отличается от концепции Энгельса, согласно которой изначально пребывающая материальность порождает формы, способные обладать сознанием. Плеханов противоречие между Энгельсом 1886 года и Спинозой заметил. В 1889 году он специально приехал в Лондон для встречи со знаменитым сподвижником Маркса и задал ему вопрос: «Так, по-вашему, старик Спиноза был прав, говоря, что мысль и протяжение не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?». На прямой вопрос Энгельс прямо и ответил: «Конечно, старик Спиноза был вполне прав» [13]. Таким ответом Энгельс противоречил не только себе, но и выразил несогласие с Марксом, который учение Спинозы о субстанции квалифицировал как «метафизически переряженную природу в ее оторванности от человека».

В 20-х годах прошлого века в СССР разгорелся спор между «механистами» и «диалектиками». Л. И. Аксельрод – известная тогда ученица Плеханова – выдвинула идею, что слабо прописанная Спинозой концепция субстанции может быть понята как механические связи, и тогда его следует причислить к материалистам [18]. Но получалось, как многим представлялось, нонсенс: субстанциональные связи есть, а связанные стороны отсутствуют. А. М. Деборин такого пропустить не мог, и теоретически он свою философскую противницу одолел. Между тем Аксельрод была не так уж и не права. Дело в том, что диспутанты 20-х годов по сути основного вопроса слишком пеклись о принципе первичности. Что исторически было первичным и продолжает пребывать таковым и сейчас? Этот вопрос нельзя было решить тогда, нельзя и сегодня. Здесь необходим другой подход. Если в отношениях непременно что-то должно быть положено в качестве первичного, то этим может быть только само отношение. С такой позиции ни Спиноза, ни Аксельрод уже не кажутся такими наивными. За воззрениями диспутантов 20-х годов скрывалась ситуация более сложная, чем реально виделась. Мыслители той эпохи смотрели на выявляющиеся проблемы преимущественно глазами науки. Для них законы и принципы философии в первую очередь имели объективный и всеобщий характер. И законы, согласно установившимся взглядам, должны действовать одинаково: что в природе, что в обществе, что на микро-, что на макроуровнях. Отсюда абсурдные требования тех лет – применять диалектику в акушерстве, свиноводстве и пр. Между тем в диалектике ситуация иная, чем в механике-физике или вообще в природе. Здесь бытие связей и отношений за пределами познания вообще проблематично. И здесь связи робинзонады – это нечто другое, чем отношение масс, классов и наций. Предмет спора между Аксельрод и Дебориным перерастал, таким образом, в проблему: способно ли вышедшее из множества частных общее являться первичной причиной и истиной по отношению к самому множеству? Данную проблему можно сформулировать различным образом. Например, стороны отношения связаны между собой или связь положила себя как стороны отношений? Без разрешения подобных вопросов материалисты двигаться вперед не могли. Это Пушкину было понятно, что на Руси рабство было, а рабов – нет. Деборину понять такое не удавалось, как и Ленину в «Материализме и эмпириокритицизме» не удавалось понять, что в мире существует безличное осознание [12, с. 238]. Так без ясности в данных вопросах сложился и прожил свое диалектический материализм.

Кант: материалистические моменты гносеологии

В годы Отечественной войны книги классиков немецкой философии были неуместны в учебном процессе и на полках библиотек. Вопреки статьям Ленина было провозглашено, что марксизм ни в каком теоретическом источнике не нуждается, что он черпал идеи непосредственно из сознания пролетариата. Но в 60-х годах прошлого века ситуация вновь изменилась, и были изданы в шести томах работы Канта. Вступительную статью к третьему тому с «критикой чистого разума» написал академик Т. И. Ойзерман. Каждый может прочитать эту статью. В ней мы видим стандартный для того времени и, можно сказать, огульный набор обвинений Канта в идеализме, агностицизме, мистицизме и во многих других грехах. Еще мы видим в ней

страх, что советский читатель не разберется в терминах и противоречиях Канта, слепо поверит ему и отвернется от марксистских книг, где «научно решаются» поставленные Кантом вопросы. Сегодня мы можем не считать ошибочные осуждения, а с радостным удивлением находить у него идеи, без которых философии не обойтись. К некоторым из них и обратимся непосредственно здесь.

1. Кант действительно идеалист? В ответ на данный вопрос уместно спросить: в каком смысле? Если в том смысле, в каком Энгельс определяет материалистов и идеалистов [16, с. 20], то Кант – самый настоящий материалист. Прочитайте в «Критике чистого разума» страницу 127 и убедитесь в материалистической сущности идей автора. Здесь для краткости приводятся эти идеи. Вне нас существуют предметные тела, которые Кант называет явлениями. Эти тела воздействуют на нашу чувственность, вызывая созерцания. Созерцание – это исходные формы всякого познания, предполагающего объективное бытие объектов познания. Это ли не материализм? Именно с его позиций Кант опровергает идеализм Декарта и Беркли [7, с. 286], а В. И. Ленин выступает против эмпириокритицизма [11, с. 102].

2. Понятие «апперцепция» Кант заимствовал у Лейбница. У обоих мыслителей оно обозначает осознаваемую реакцию организма на внешние раздражения. Но у Канта это не столько субъективная, сколько общественная реакция. Так реагируют все (многие, во всяком случае), так реагируют социальный слой, нация, эпоха. Перцепция, будучи естественной и субъективной реакцией на исходном уровне, в своем развитии становится реакцией общественной и объективной. В нее входит весь арсенал интеллектуальной деятельности людей определенной эпохи. Апперцепции становятся независимыми от индивидов. Будучи образованными массой субъектов, они становятся активной силой, доминирующей над породившими ее массами. Воздействие апперцепций над массами становится настолько значительным, что приходится утверждать: они создают личности и массы, соответствующие их характеру. Превращение массы частных в единое всеобщее и доминирование всеобщего над массой индивидуальностей является великим открытием Канта, которым широко пользовались Шеллинг, Гегель и Маркс. У Гегеля это открытие легло в основу диалектического учения об отрицании и творческой активности духа, у Маркса – являлось базой учения о товарном фетишизме. Но именно превращение массы ничтожеств, произведенной во всемогущее общее, рассматривалось материалистами, включая и диалектических материалистов, как мистика и скрытая поповщина. Недаром Сталин хотел избавить философию от гегелевского мистицизма, а на деле превратил диалектику в сумму примеров. Неспособность признания всеобщего относительной объективностью, обладающей творческой активностью, которая у Канта называлась трансцендентальностью, у Гегеля – разумной действительностью, у Маркса – общественно-исторической практикой, а ныне называется известным миром, является крупнейшим недостатком диалектического материализма. Именно эта объективная всеобщность составляет поле деятельности философии, на котором практикуются познание, мышление и развитие.

3. Хрестоматийно известный переворот Канта в сфере гносеологии [7, с. 87] содержит две идеи, значительно реже вспоминаемые, чем сам переворот. Первая из них: объект познания перестал быть исключительно внешним и объективным, к чему всегда стремилась наука, а часто и материалистическая философия. Объект хотя бы частично включает в себя субъект, чем и создается типично философская проблема субъект-объектных отношений [3, с. 41]. И вторая: объект познания как таковой, т.е. именно как объект, не существует сам по себе «от века» и не просто отражается познающим субъектом, а создается им тем, что частью, своим интеллектом, своими орудиями познания входит в него. Отсюда и гегелевская идея творческой активности сознания, согласно которой сознание не только познает мир, но и творит его. Эта идея была отмечена Лениным [12, с. 194], но диалектический материализм разобраться в ней не сумел, ибо она звучит слишком идеалистично.

Гегель: своеобразие идеализма

Идеалистическая сущность гегелевской философии настолько общепринята, что, кажется, не может подвергаться сомнению. Ведь есть прямое указание Маркса в «Капитале», что у Гегеля абсолютная идея является «демиургом действительности», а «диалектика стоит на голове». За Марксом следовали Ленин, Плеханов и Бухарин, называвшие Гегеля «абсолютным идеалистом». Разве могли последователи диалектического материализма писать о Гегеле нечто другое? Не могли. Они писали о Гегеле то же самое, чтобы заявить и застолбить свою враждебность к немецкому мыслителю и свою верность ортодоксальному марксизму. Огульной критике философии Гегеля была придана инерция, которая действует и сегодня.

Если Гегель идеалист, то должен, по определению Энгельса, утверждать, что «дух существовал прежде природы» [16, с. 20]. Но такого прямого утверждения у создателя диалектики нет. Можно привести многочисленные и пространные тексты из различных сочинений Гегеля, в которых утверждаются прямо противоположные воззрения. Для примера достаточно нескольких строк из наиболее доступной нашему пониманию «Философской пропедевтики» Гегеля. Они предназначались нюрнбергским гимназистам и разъясняли следующее: «Посредством внешнего чувственного восприятия мы воспринимаем вещи, которые пространственно и во времени существуют вне нас и которые мы, вместе с тем, отличаем от себя» [3, с. 11]. «Первым источником нашего познания является *опыт*. Для опыта требуется всего-навсего, чтобы мы что-то воспринимали *сами*» [Там же, с. 12]. Подобные фразы можно привести и из «Феноменологии духа», и из «Энциклопедии философских наук», и из других сочинений. Можно выложить набор цитат, в котором мало кто из современных людей узнает тексты «абсолютного идеалиста». Но Гегель не так прост, чтобы привычным набором цитат демонстрировать его убеждения. Каждый такой набор может быть опровергнут другим набором противоположного содержания. Иногда в одной фразе мыслителя видишь противоположные суждения. Для примера приведем одно наиболее часто цитируемое предложение. Интернет указывает более 300 случаев его воспроизведения. Тем не менее еще

одна ссылка на него необходима. Вот этот текст: «Для нас дух имеет своей предпосылкой природу, он является ее истиной, и тем самым абсолютно первым в отношении». Фраза сложная. В ее первой части утверждается, что «дух» или, можно сказать, познающее сознание имеет своей предпосылкой природу. Такими были воззрения Канта, Шеллинга и Гегеля. Этим они никак не отличались от материалистов. Но далее во второй части фразы утверждается, что «дух» является истиной природы и потому абсолютно первым по отношению к ней. Как это понимать? А понимать следует так. Человек предмет своего познания, так думает Гегель, и так требует диалектика, должен брать двойственно: объективно, именно как предмет, и субъективно, как степень развитости своих познавательных способностей. Эти аспекты в познании складываются поэтапно. Первоначально человек, познающий дух, вынужден противопоставить себя предмету познания, чтобы соотнести с ним свои представления и понятия. Поэтому предмет познания берется им как внешний, как отчужденный от него и предшествующий ему. Познание при этом остается наивным и поверхностным. Качественный скачок в познании связан с переходом сознания на уровень разума. Разум, прежде чем приступить к познавательным акциям и для того, чтобы приступить к ним, обращается к общечеловеческому опыту познания, оснащается его понятиями, методами и технологиями. Этот опыт в живой форме локализован в различных формах объективного (по Гегелю) сознания и в отчужденной форме – в предметах действительности, которая тем самым становится и пребывает разумной. Разум понимает, что результат его познавательной деятельности (истина) зависит не столько от содержания предмета познания, сколько от познавательных способностей исследователя, от его интеллектуальной вооруженности. Поэтому разум вынужден, прежде всего, ответить на знаменитый кантовский вопрос: «Что я могу знать?». Или – если вопрос Канта выразить гегелевскими терминами – насколько дух познания в лице познающих индивидов и масс способен познать себя? Своеобразие философии Гегеля, прежде всего, состоит в том, что она не противопоставляется никаким иным метафизическим построениям. Это невозможно по определению: по Гегелю нет множества философских построений, есть одна философия, а имевшие место в истории человеческого духа, как и выстраивающиеся поныне, направления и школы – это или закономерные формы единой философии, или ложные философские притязания. Философия развивается не по времени и не как выражение социально-экономического прогресса; ее известные формы и соответствующий им духовный потенциал обусловлены характером познания и мышления. Гегелевская философия обусловлена эпохой разума, когда мышление имеет в качестве своего объекта не столько природную самость, сколько самого себя. Эта эпоха обусловлена тем, что мышление образовало особую духовную реальность, которая оторвалась от человечества, противостояла ему и доминирует над ним. Если в эпохе рассудка отдельный индивид, при всей своей ничтожности и беззащитности перед громадной объективностью, еще мог героически противопоставить себя физической беспредельности, то отчужденный от человечества разум превращает всех и каждого в инструмент реализации своей сущности. И нет никакого общественного плюрализма. Для людей ситуация проста: или ты становишься орудием разума, проникаешься идеями вечности, истины, добра и красоты, или ты отпадаешь от человечества и гибнешь в сетях эгоизма, жадности, лжи, зла. Именно это доминирование духовного над природным и общественным оставалось для диалектического материализма непонятным, чуждым и враждебным. Именно это побуждало представителей диамата называть философию Гегеля мистической реакцией, от которой следовало освободить взгляды молодого Маркса и оградить убеждения революционного пролетариата. Такая практика открыто или молчаливо проводится и сегодня. Рыночная идеология отвергает идеи и превозносит ее материализованные формы. Она, под видом защиты интересов индивидов, отвергает общественное, планетарное и вселенское предназначение человека. Конечное она противопоставляет бесконечному, отдельное – всеобщему, ложное – истинному и изгоняет саму диалектику из понимания реальности. Поэтому современным рыночникам не нужна ни философия Гегеля, ни философия Маркса, ни вообще какая-либо философия истины и добра.

Что же представляет собой то ядро диалектики Гегеля, которое Маркс считал необходимым и возможным поставить с головы на ноги? Отметим для начала, что это ни в коей мере не изолированное и не личностное построение гениального мыслителя. Все его составные элементы следственно вытекают из философской культуры эпохи Просвещения и вместе с тем детерминируют более основательное понимание предшествующих Гегелю идей. Не было бы Гегеля без Канта, но и Кант без Гегеля читался бы иначе. Заметим далее, что Гегель, вопреки своим многочисленным напоминаниям об абсолютном, всеобщем и даже божественном, всегда имеет в виду пространственно-временную реальность, ограниченную сферой деятельности человеческого мышления. Там, где заканчивается мысль, заканчивается и философия, а начинается сфера божества и религии. Поле деятельности диалектики Гегель называл «разумной действительностью», а мы называем сейчас «знаемым миром». Таково требование диалектики, которое, увы, постоянно упускается. В центре гегелевского «ядра диалектики» находится проблема отношения «духа к природе». У Гегеля это познавательные отношения, реализация которых приводит к тому, что дух в природе находит свою собственную сущность. Обыденное сознание, которому следует и наука, представляет себе дело так. Каждое поколение застает уже готовый, сложенный предшественниками, арсенал познавательных средств. К нему бесчисленное число субъектов познания через систему образовательных и воспитательных организаций обращается, дабы соединиться с объектами познания, раскрыть их сущность и истину. Практика показывает правомерность подобных представлений, а философия – их ограниченность. При них раздробленное множество отдельных субъектов никогда не превращается в общее, не приобретает силу закона и истины. Диалектик поэтому вынужден все представить иначе: не субъекты ищут познавательных средств, а «дух эпохи» ищет и находит в актуально живущих индивидах материал для собственного развития и для реализации своих познавательных и творческих потенций. Отношения между абсолютным духом и познаваемой природной

реальностью осуществляются несколькими акциями. Абсолютный дух *предстает* в формах объективного и субъективного духа. Их усилиями он *полагает* себя как понятия природной предметности. И *признает* в этих понятиях свою истинную сущность. Природный предмет тем самым приобретает свою действительность, свою сущность и истину, а абсолютный дух – свою конкретность. Но отношения, особенно познавательные отношения, отличаются тем, что не имеют своей формы бытия. Чтобы действительно быть, их следует выразить идейно. Поскольку у Гегеля идея – это не только и не столько мысль, а более всего форма выражения составляющих основу бытия отношений, то постоянно возникают недоразумения, согласно которым идея творит действительность. Она действительно «творит», но только если интерпретируется как форма бытия отношений, если результат творения трактуется как идеальный. По Гегелю, идеалист – это тот, кто признает, что в результате познания отдельное соединяется со всеобщим, а конкретное – с абстрактным.

Суть марксистского переворота диалектики Гегеля

Мысль о необходимости переворота гегелевской диалектики принадлежит самому Марксу. Он высказал ее в известном предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала» в связи с многочисленными упреками в чрезмерном влиянии Гегеля на важнейшую книгу Маркса. Маркс не отрекался от обвинений, но отметил, что диалектический метод Гегеля, идеалистический и мистический, содержит рациональное зерно, которое можно сохранить, если поставить философию Гегеля с головы на ноги. Этим он дал возможность читателям «Капитала» думать, что такая работа уже выполнена автором при подготовке первого издания книги, хотя и не объяснил в чем, собственно, такой переворот заключается. Мысль о совершенном перевороте быстро окрестили «революционной», она крепко застряла в сознании марксистов и повторялась несконечное количество раз. Первым раскрыть суть переворота взялся Энгельс. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он сводит его к разработке материалистического понимания истории. Этим, дескать, идеализм был изгнан из последней области обществоведения, и переворот совершился. Хотя ясности в понимании проблемы положение Энгельса не внесло, его мысль затем повторялась и Г. В. Плехановым, и Н. И. Бухариным, и вообще всеми создателями, распространителями и преподавателями диалектического материализма. Реально дело, между тем, и проще, и глубже. Чтобы это показать, приходится все-таки обратиться к тексту Маркса. Фразы эти никогда свободно не анализировались, а рассматривались представителями диалектического материализма сквозь призму оценки, данной Марксом Гегелю: «Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление» [14, с. 16-17]. Тут есть к чему присмотреться критическим взглядом. Прежде всего, вся фраза Маркса словесным материалом представлена так, что человек обыкновенных воззрений или натурфилософского склада ума обречен на искаженное понимание гегелевского метода. Уже приходилось указывать на ошибочный, по неведению или по идеологическим соображениям, перевод фразы Маркса о сути идеального [9]. Он был осе-нен авторитетом Института марксизма-ленинизма, во многом определил характер диалектического материализма и идейную борьбу советских философов в 60-80-е годы прошлого столетия. Теперь приходится отмечать, что Маркса не только неверно переводили, но и читали предвзято [10]. Обратимся к тем понятиям, которыми Маркс противопоставляет свой метод гегелевскому методу. Маркс утверждает, что для Гегеля идея есть творец действительности, а у него, наоборот, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову...» [14, с. 16-17]. Чтобы приведенные суждения на самом деле выражали противоречие, чтобы действительно было «наоборот», необходимо, чтобы понятие «идея» у Гегеля было тождественно понятию «идеальное» у Маркса. Тогда одно из суждений может быть истинным, а другое – ложным. Но этого нет. Категория «идея» у Гегеля используется многозначно: и как мысль субъекта, пусть и космического масштаба (даже Ленин, грешным делом, так думал), и как выражение отношения понятия к предмету. Именно в этом втором смысле идея и выступает как творческая сила, ибо соединяет отдельный предмет с всеобщим, чем придает предмету действительность и истину, а всеобщему – конкретность и предметность. Второй смысл и скрывает гегелевское понимание идеального. Оно есть для Гегеля не что иное, как признаваемое присутствие общего в отдельном и абстрактного в конкретном. Ему Маркс противопоставляет свое понимание. Идеальное для него есть материальное, «в человеческой голове *переположенное*» (так, а не словом «*пересаженное*», следует переводить слово «*umgesetzt*») в иную систему связей. Получается противопоставление: у Гегеля идеальное творит разумную материальную действительность, а у Маркса материальное в сфере человеческой деятельности приобретает идеальное содержание. Это и есть центральное место в перевороте гегелевской диалектики «с головы на ноги». Для читателей России слово «идея» всегда оставалось только мыслью, субъективной реальностью. В результате текст Маркса читался как грубая алогичность: «в огороде бузина, а...». Все дело в материалистически воспитанных читателях Маркса. Они заранее настроились или их сознательно настроили на то, что Маркс – их учитель, что у него каждая фраза – высшая мудрость, и потому выхватывали из него то, что соответствовало их философскому образованию и чрезмерной политической страсти.

У Гегеля есть замечание, которое он сформулировал еще в «Энциклопедии философских наук», считая его важным и для решения вопроса о начальном пункте философской системы. Данное замечание ведет и к началу материалистического метода Маркса. Вот оно: «...*нет* ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы в такой же мере непосредственности, в какой и опосредствование, так что эти два определения оказываются *нераздельными и неразделимыми*, а указанная противоположность [между ними] – чем-то ничтожным» [5, т. 1, с. 124]. Здесь речь о всеобщем. Для ординального сознания это всегда проблематично. В переходе всеобщего и абстрактного к конкретному видится основное мистическое содержание гегелевской философии. Сам же Гегель решает эту проблему так. Поскольку все обусловлено, то есть все находится

в отношении связи и зависимости со всем, то первичным может быть признано только само отношение. Отношение всеобщего к становящемуся конкретному и есть то, что философ может положить в качестве начала своей системы. Подобный подход искал уже Спиноза. Поскольку отношение и у Маркса является базовой категорией, то это и позволяло Энгельсу так легко согласиться с предложением Плеханова считать предтечей Маркса не идеалиста Гегеля, а тяготеющего к материализму Спинозу. Идея Плеханова не получила развития хотя бы потому, что Маркс резко пренебрежительно отзывался о философии Спинозы. И все же налицо факт, что три мыслителя мировой величины – Спиноза, Гегель и Маркс – в качестве исходной категории своих философских систем имели категорию «отношение». И не только величайшие мыслители прошлых веков видели отношения в качестве исходной категории концепции бытия, но и наши современники не прочь поразмышлять на эту тему. М. Эпштейн приводит мнения современных физиков вакуума, которые видят в нем не абсолютную пустоту, а некоторую неустойчивость, порождающую и уничтожающую виртуальные частицы. По данному пункту Эпштейн видит единство физиков и философов и, ссылаясь на М. Хайдеггера, пишет: «В основе бытия – *небытие* *небытия*, двойное –*не*” –*Есть*” – это лишь отношение между двумя –*не*”, тончайшая прослойка в –*е*эндвиче” *небытия*» [17, с. 31]. При желании можно выстроить обширную вереницу мыслителей, искавших в отношениях исходную позицию всякого бытия. Гегель и Маркс были бы среди них. Данный факт более сближает Маркса с Гегелем, нежели пресловутая, поставленная на голову диалектика. Но этот факт и отличает метод Маркса от других философских систем. Важен, прежде всего, характер отношений. Гегель имел дело с познавательным отношением, Маркс – с отношениями производственными. Когда это выяснено и признано, актуальным становится положение, что отношения, каков бы ни был характер, не имеют собственной формы бытия; они должны быть выражены. Познавательные отношения выражаются понятиями, идеями и суждениями. Они указывают на связь отдельного со всеобщим. В результате отдельное извлекается из «темного» бытия, становится действительным и разумным бытием. Разумом действительного бытия является его всеобщее содержание. Если берется суждение «Земля – планета», то этим Земля из неопределенного нечто превращается в действительный космический объект, разумный в той степени, в какой постигнута его планетарная и вселенская сущность. С другой стороны, понятия перестают быть областью «чистого мышления». Они становятся конкретно-общими, и этим планетарный дух оказывается положенным и представленным в земной реальности. Суть философского идеализма, по Гегелю, состоит в том, что ни одна природная предметность без всеобщего содержания не признается истинно сущей [5, т. 1, с. 221]. Дух – это настоящий идеалист, потому что он, в своей бесконечной абстрактности, в конечном положен, представлен, признан и реализован.

Маркс исследует товарные отношения в их развитой до уровня всеобщности форме. Это материальные отношения, поскольку в них реализуются человеческие потребности, осуществляется производство и обмен деятельностью. Но поскольку они тоже отношения, то тоже не обладают собственной формой бытия. Для своего действительного бытия они нуждаются в формах выражения, коими являются понятия и вещи. Наиболее обширным для Маркса является понятие «абстрактный труд». У обычных людей это понятие не вызывает затруднений. Практика жизни приучила их сводить абстрактный труд к различным формам конкретного труда и поднимать формы конкретного труда к высотам абстрактного. Этим снимается «мистика» соединения общего понятия с реальностью и осуществляется шаг от идеалистической диалектики к материалистической. Результаты труда характеризуются стоимостью и количеством. Для определения стоимости необходимо любой результат труда сопоставить с единым универсальным продуктом труда. Таким продуктом экономическая наука считает золото. Для определения количества труда используется рабочее время, общественно необходимое для производства результата. Золото и время – это материальные явления. Их можно измерить, посчитать, выразить математическими формулами. Философия отношений становится не только материалистической, но, еще далее преобразуя гегелевскую концепцию, и научной. И все же остается проблема участия сознания в реализации отношений.

Чтобы производственные отношения могли иметь место, да еще и реализовываться, предметы их должны в одном аспекте быть различными, а в другом – идентичными. Маркс это обнаруживает в анализе товарных отношений. На рынке товары противостоят как продукты различных форм конкретного труда, скажем, труда горшечника и труда кузнеца. Но как результаты абстрактного труда они совершенно идентичны. Стоит только горшкам появиться на прилавках рынка, они, прорывая свою горшечную ограниченность и используя ум и волю своего владельца, заявляют, что они нисколько не уступают другим товарам и что они, по сути, не оформленная глина, а, как и другие товары, чистое золото. Но то же заявляют и замки – результат кузнечного труда. И все другие товары апеллируют к золоту, которого на конкретном рынке может и не быть. И происходит чудо: все люди на рынке – и продавцы, и покупатели – принимают заявления товаров за чистую монету, что позволяет продавцам и покупателям совершать равноценный обмен, разрешить рыночные отношения. На деле с горшками ничего не происходило. Никто их в «человеческую голову» не «пересаживал» и в золото не преобразовывал. Идея золота как всеобщего мерила количества труда уже давно сидела в головах всех рыночников. Одного опытного взгляда было достаточно, чтобы сравнить труд горшечника с трудом золотопромышленника и определить истинную цену горшка. Многомиллионная практика частных производителей в течение тысячелетий упростила дело перевода результатов труда из сферы частных (конкретных) связей в сферу общественных (абстрактных) отношений до такой степени, что они стали осуществляться механически, интуитивно, без видимого участия в нем сознания. Люди «не осознают этого, но они это делают» [14, с. 72]. Позднее товаровладельцы могут спросить у людей науки, что происходит в головах людей, когда товар «становится перед лицом всех других товаров на голову...» [Там же, с. 70-71], но для актуального товарообмена это стояние товаров на голове не имеет значения и воспринимается участниками обмена абсолютно естественно. Если Маркс поставил диалектику с головы на ноги, то ему для этого пришлось действительно поставить с ног на голову.

И последнее. Маркс обвиняет Гегеля в том, что для того «процесс мышления» есть «демиург действительно-го», тогда как для Маркса «идеальное... есть материальное», но (*по моей интерпретации* – Э. К.) в человеческой голове переположенное в иную систему отношений и тем самым преобразованное, т.е. поставленное «на голову». Создается впечатление, что у Гегеля материальный мир создается мышлением, а у Маркса мышлением создается лишь идеальный аспект материального. Такое впечатление – результат огрубления и упрощения учений обоих мыслителей. О творении природного мира никто из серьезных мыслителей никогда не писал. А вот о действительном мире, о мире, освещенном сознанием, об общественно-исторической практике, созданной совокупным человечеством, о известном мире, мире, каким он является в присутствии человека, писали и должны писать многие. Начнут ли они изложение с идеального или начнут с материального – не суть важно. Важно, что этот мир образуется одновременно с человечеством, им же наполняется истиной, добром и красотой.

Выводы

Одним из результатов социальных потрясений российского общества является утрата им философской составляющей его духовной жизни. Мозаика статей философских журналов не заменит сегодня стройной системы марксизма, хотя и достойной критики. Требуется новая философская система. Ее можно создать только на базе самого марксизма и его теоретических источников. Но взгляды Маркса и его предшественников, как и показано в статье, были частью неверно поняты, частью из идеологических соображений искажены и упрощены. Так они вошли в диалектический материализм, который тяжелым грузом придавил общественное сознание россиян. Дело теперь состоит в том, чтобы освободить учения классиков философии от наветов и неверных трактовок. Это благодарная работа: во-первых, восстанавливается историческая правда; во-вторых, углубляется трактовка важнейших философских проблем, например проблемы отношений мышления и бытия, проблемы онтологического статуса отношений, проблемы содержания узловых категорий гносеологии; в-третьих, позволяет, причем на иных принципах, действительно приступить к созданию новой философской системы, достойной мировоззрения великого народа. Автор не претендовал на создание даже элементов такой системы. Его задачи ограничивались тем, чтобы на конкретном материале показать необходимость и возможность сотворения такой системы.

Список литературы

1. Антонов А. А. Исторические предпосылки возникновения теории познания как теории отражения (на примере древнегреческой философии) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/2.html> (дата обращения: 10.10.2013).
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 471 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1999. 442 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1975.
6. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Изд-е 3-е. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
7. Кант И. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
8. Классен Э. Г. Россия: эпизоды борьбы за философскую истину. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2012. 340 с.
9. Классен Э. Г. Что же писал Маркс об идеальном // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 2. С. 141-148.
10. Классен Э. Г. Э. В. Ильенков: непреодоленные преграды в трактовке идеального – основной категории философских систем // Современные фундаментальные и прикладные исследования. Кисловодск: Изд-во УЦ «Магистр», 2012. № 4 (7). С. 87-91.
11. Ленин В. И. Собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1961. Т. 18. 525 с.
12. Ленин В. И. Собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1963. Т. 29. 782 с.
13. Майданский А. Советский Спиноза: вера в поисках разумения [Электронный ресурс]. URL: <http://svom.info/entry/249-sovetskij-spinoza-vera-v-poiskah-razumenija> (дата обращения: 10.10.2012).
14. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9-ти т. М.: Политиздат, 1987. Т. 7. 811 с.
15. Спиноза Б. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 608 с.
16. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической философии. М.: Политиздат, 1977. 70 с.
17. Эпштейн М. Двойное небытие и мужество быть: к философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 28-43.
18. Яхот И. Подавление философии в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/yakh91vf.htm> (дата обращения: 10.10.2013).

IDEALISM AND MATERIALISM – THESE SMALL DIFFERENCES AND GREAT CONFRONTATIONS

Klassen Erikh Gergardovich, Doctor in Philosophy, Professor
Ufa State Petroleum Technological University (Branch) in Oktyabrsky
knessel@rambler.ru

The time of sharp world-view confrontation has passed. The search for the juxtaposition and convergence of philosophical doctrines has become topical for the sake of future national and international unity. Long-term contradictions between Marxism and idealism were largely conditioned by subjective factors: ideology, simplification and the incomprehension of philosophical positions. The task of the article is to show how subjective factors separated and opposed the views of Marx and Hegel, and how they can be brought together in the aspect of the basic question.

Key words and phrases: apperception; dialectics; idealism; idea; ideal; materialism; basic question; relations; ideas; form of expression.